

Страницы Корсунь-Шевченковской эпопеи

Колеса вагонов мерно постукивали по стыкам рельсов. Мимо мелькали леса и поля, припорошенные снегом, кое-как прикрывавшим следы недавних жестоких сражений. . .

Перебирая в памяти события тех героических лет, я часто думаю, откуда черпала наша армия и вся страна ту могучую силу, которая нужна была для борьбы с опасным врагом, для победы над ним. И вновь и вновь вижу ее истоки в непоколебимом морально-политическом единстве нашего народа, его глубоком патриотизме и преданности идеям Коммунистической партии. Да, именно эти благородные идеи борьбы за свободу и счастье всех народов, за мир и созидательный труд вселяли в советских воинов уверенность в правоте своего дела, вдохновляли на невиданный в истории массовый героизм, величайшую самоотверженность.

Огромная роль в укреплении политико-морального состояния войск и тем самым в непрерывном наращивании их боевой мощи принадлежала партийно-политической работе в Вооруженных Силах. Пронизывавшая ее идея самоотверженной борьбы с врагом глубоко отражала мысли и чувства советских воинов, их готовность к самопожертвованию во имя победы. Важной особенностью партийно-политической работы в войсках являлось сочетание последовательного проведения линии партии с учетом условий обстановки и тех или иных конкретных задач, поставленных командованием перед соединениями и частями. Этим в значительной мере объяснялось то, что хорошо организованная воспитательная работа была одной из важнейших предпосылок успешного ведения действий.

Такой была она и в нашем соединении.

Помню, летом 1942 г., когда мы еще находились под Москвой, при политотделе укрепрайона был создан агитколлектив. Это ока-

залось очень хорошей формой организации воспитательной работы. Пока мы были на пассивном участке обороны, агитколлектив устраивал лекции на патриотические темы, просмотры кинофильмов, самодеятельные концерты, которые по существу также были школой политического воспитания бойцов и офицеров. В этом отношении большую роль играли и проводившиеся у нас встречи с жителями тех временно оккупированных районов Московской и Калининской областей, которые были освобождены в ходе наступления наших войск зимой 1941/42 г. Следы зверств гитлеровцев в окрестных населенных пунктах и рассказы очевидцев будили в бойцах жгучую ненависть к врагу, осквернившему советскую землю, укрепляли их волю к борьбе за скорейшее освобождение Родины.

Но тогда непосредственно перед нами не было противника. На рубежах под Москвой, как и несколько позднее в междуречье Дона и Волги, батальоны еще только начинали свой боевой путь и, следовательно, должны были прежде всего приобрести необходимую выучку. Это определяло их главную задачу в тот период — напряженную боевую учебу. Кроме того, они достраивали или строили оборонительную полосу. Работы были ограничены сжатыми сроками, что требовало большого, самоотверженного труда от каждого бойца и офицера, а также умения командиров организовать этот труд должным образом. Наконец, еще только начиналось превращение укрепрайона, личный состав которого состоял тогда из новичков — добровольцев или мобилизованных из запаса, — в боевое соединение, спаянное солдатской дружбой и четко отлаженным взаимодействием.

Все это определило и направление, и характер партийно-политической работы. В то время главным ее содержанием были общие для всей Советской Армии в первый период войны лозунги партии: «Стоять насмерть!», «Ни шагу назад!» В этих словах заключалось все, чем жили тогда советские люди. Содержание этих лозунгов полностью отражало и все конкретные задачи укрепрайона. Ибо и напряженная боевая учеба, и работы по строительству укреплений имели одну цель — подготовить успешное отражение ударов врага. Эта мысль, овладевшая каждым воином, стала и мощной цементирующей силой для всего соединения.

Всю воспитательную работу умело направляли политотдел укрепрайона и партийные организации батальонов. Политзанятия дополнялись беседами, читкой и обсуждением материалов, публиковавшихся в печати, коллективным прослушиванием важнейших радиопередач. Поэтому личный состав всегда был хорошо осведомлен о событиях на фронтах и в тылу. Мы как бы видели своими глазами и тех, кто уже сражался беззаветно с врагом, и тех, кто самоотверженно трудился в тылу, быстро наращивая выпуск вооружения и всего необходимого для борьбы с захватчиками. Все это укрепляло веру в непреодолимую мощь Родины,

в грядущую Победу. Не случайно одной из самых любимых у наших бойцов была песня «Священная война», написанная А. Александровым и В. Лебедевым-Кумачом и приобретающая сразу же огромную популярность в народе и в армии.

В такой обстановке высокого патриотического подъема и рождалась, крепла в сердце каждого бойца и офицера жажда битвы с ненавистным врагом, готовность к подвигу и самопожертвованию во имя разгрома фашизма. Никакая задача не казалась нам непосильной, и именно это помогало преодолевать все трудности.

Партийные и комсомольские организации у нас были во всех частях и подразделениях. Кроме того, как я уже отмечал, многие бойцы являлись участниками борьбы за Советскую власть еще в годы гражданской войны. Наконец, среди офицеров в сущности не было таких, кто так или иначе не вел бы воспитательную работу. Вот и получилось, что фактически каждый второй-третий воин укрепрайона был агитатором. Это и сделало партийно-политическую работу составной частью всей жизни соединения.

Особую значимость партийно-политической работе придавал личный пример коммунистов, комсомольцев. Так было и в период боевой подготовки, и в дальнейшем — в сражениях и походах. Выполнению каждого боевого приказа предшествовали партийные и комсомольские собрания, краткие митинги или беседы в частях и подразделениях. А вслед за этим первыми шли в бой коммунисты и комсомольцы, увлекая за собой всех бойцов и подавая им пример беззаветного мужества и самопожертвования во имя разгрома врага.

Таковыми запомнились мне и бои по уничтожению курсуншевченковской группировки противника.

В ночь на 13 декабря мы выгрузились на ст. Дарница. Переправились под огнем вражеской авиации через Днепр. Сначала заняли тыловой рубеж фронта у ближних подступов к Киеву по линии Шевченко, Бобрик, Боярка-Будаевка, Вета Почтовая, берег Днепра, имея соседом справа 54-й укрепрайон. Но ненадолго.

Обстановка на фронте менялась с каждым днем. Измотав противника в оборонительных боях, войска 1-го Украинского фронта 24—28 декабря перешли в наступление. В течение нескольких дней они освободили Коростень, Новоград-Волынский, Житомир, Бердичев, Белую Церковь и продвинулись вперед на 80—200 километров, тесня с севера крупные вражеские силы, продолжавшие упорно цепляться за правый берег Днепра у Канева. Еще не окончилась эта операция, получившая название Житомирско-Бердичевской, как началось наступление 2-го Украинского фронта. Его войска, преодолевая яростное сопротивление гитлеровцев, отбросили их на 40—50 километров к западу и овладели Кировоградом.

Однако и после этих успешных наступательных действий войска двух фронтов вследствие упорного противодействия врага

не соединились к западу от Днепра. Их разделяла в районе Корсунь-Шевченковского сильная группировка противника. Цепляясь за правый берег Днепра у Канева, она разобщила действия 1-го и 2-го Украинских фронтов и угрожала их флангам.

25—26 января советские войска по приказу Верховного Главнокомандования начали операцию по окружению и ликвидации этой вражеской группировки. Мощные удары под основание Корсунь-Шевченковского выступа наносили соединения 1-го Украинского фронта из района юго-восточнее Белой Церкви и 2-го Украинского — со стороны Кировограда.

28 января ударные части двух фронтов соединились в Звенигородке. Оставалось заполнить промежутки в боевых порядках наших войск, окружавших корсунь-шевченковскую группировку, окончательно отсечь ее от главных сил противника на Правобережной Украине. Для этого нужны были и внутренний фронт окружения, и внешний — против попыток оказать извне помощь попавшим в «котел» дивизиям.

... Раннее утро 28 января. Батальоны 159-го укрепрайона, переданные незадолго до этого на усиление 27-й армии и занимавшие ее промежуточный рубеж под Белой Церковью, выдвигаются на передний край для участия в создании внутреннего кольца окружения. Наш путь лежит из Германовки к занятому противником городу Богуславу.

Транспорта по-прежнему мало. Станковые и ручные пулеметы, 82-мм минометы, противотанковые ружья, боеприпасы — все это бойцы несут на своих плечах. Не хватает лошадей для артиллерии: орудия передвигаем «перекатами», часто вручную. А идти и без того нелегко. Оттепель. Стаявший снег превратил дорогу в сплошное месиво. Орудия то и дело застревают в непролазной грязи¹.

На распутицу, вызванную необычайно мягкой зимой, весьма рассчитывало фашистское командование, нуждавшееся в передышке после мощных ударов Советской Армии². Видно, гитлеровцам не пошли на пользу уроки, преподанные им на советско-германском фронте и в лютые морозы, и в жару, и в распутицу. Они так и не поняли, что никакие трудности не остановят Советскую Армию в борьбе за освобождение Родины и полный разгром врага. Не сбылись и их надежды на передышку.

Несмотря на исключительно плохое состояние дорог, советские войска на Правобережной Украине вот уже несколько дней продолжали успешное наступление. И тем, кто уже прорвал оборону противника у основания Корсунь-Шевченковского вы-

¹ Архив МО СССР, ф. 159 Ур, оп. 345881, д. 1, л. 19.

² См.: «История Великой Отечественной войны. 1941—1945», т. 4. М., 1964, стр. 57; «Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht», Bd. IV. Erster Halbband. Frankfurt/Main, 1961, S. 107.

ступа, продвигаться вперед по бездорожью было во много раз тяжелее, чем нам. Эта мысль, как и стремление поскорее выйти на боевой рубеж, удесятирила силы воинов укрепрайона, шагавших с тяжелым грузом на плечах.

Перед выходом на марш командиры и политработники зачитали во всех подразделениях приказ о предстоявших нам действиях, ознакомили бойцов с обстановкой на фронтах.

Особенное воодушевление вызвало в батальонах сообщение о том, что мы идем на передний край и будем непосредственно участвовать в ликвидации крупной вражеской группировки. Бойцы и офицеры понимали, что впереди жестокая битва с врагом, который, конечно, не раз попытается вырваться из «котла». И с глубокой уверенностью говорили:

— Не выскочит фриц, остановим!

Трудно шагать по грязи, в которой буквально вязнут ноги. Но каждый находит в себе силы еще и помочь товарищам, вытащить свалившееся в кювет орудие или застрявший грузовик, облегчить соседу его ношу. И все для того, чтобы не опоздать к назначенному сроку.

Батальоны идут и идут вперед. Уже миновали Ракитино, Тарашу. Позади остался рубеж 54-го укрепрайона, проходивший тогда к западу от Днепра по линии Яновка, Шубовка, Ольшаница (Вильшаница). Впрочем, это только полпути. Но вот, наконец, деревня Сидоровка. Мы почти у цели.

Однако именно здесь нас ожидало самое трудное. И не только нас. На подъеме длиною около двух километров, покрытом толстым слоем вязкой глины, скопилось множество застрявших армейских машин. Образовалась пробка. На ее ликвидацию и на преодоление подъема батальоны потратили шесть часов тяжелого труда.

И все же воины укрепрайона в срок завершили этот изнурительный марш. В 12 часов 29 января головной 20-й пулеметно-артиллерийский батальон с ходу начал занимать позиции на переднем крае. Вслед за ним и остальные войска укрепрайона вышли на боевой рубеж, который до этого обороняли части двух стрелковых дивизий, предназначавшиеся теперь для усиления ударной группировки армии.

Наш передний край проходил от северной окраины Богуслава через Николаевку, Сидоровку, Скрипченцы и Шендеровку до села Туркенцы. Перед фронтом укрепрайона, имевшим общую протяженность до 40 км, не было постоянных частей противника. Зато то и дело появлялись все новые сводные полки и батальоны, наспех сформированные из остатков потрепанных фашистских дивизий. И каждый из них предпринимал попытку прорвать нашу оборону. Даже сменяли мы стрелковые части под огнем врага, отразив при этом несколько его атак.

Так батальоны укрепрайона вступили в бой.

Уже 30 января небольшие подразделения 20-го артпульбата просочились в деревню Дыбницу и заняли ее, отбросив противника на противоположный берег реки Рось. В ту же ночь фашисты дважды пытались вновь овладеть этой деревней, но их атаки были отбиты.

Успех в Дыбнице несколько улучшил условия для выполнения поставленной нам командованием задачи по освобождению Богуслава, стариннейшего города, основанного еще во времена Киевской Руси, а теперь вот уже больше двух лет терзаемого захватчиками.

С первых же дней пребывания на правом берегу Днепра перед нами вновь, как и под Сталинградом, предстали зловещие следы фашистских преступлений. Разоренные города и села, виселицы и рвы, переполненные трупами безжалостно умерщвленных женщин, детей, стариков. Под Белой Церковью, например, мы видели старую строительную площадку, которую оккупанты превратили в место массовых расстрелов населения.

Освобождение Дыбницы раскрыло перед нами еще одну мрачную картину чудовищных злодеяний захватчиков. От местных жителей мы узнали, в частности, о трагедии, разыгравшейся несколько дней назад в Топтиевке. В этой деревне, расположенной недалеко от Богуслава, фашисты сожгли дома, отобрали имущество у населения, надругались над женщинами на глазах у их близких. Остервенев от собственных зверств, они облили горючей смесью 17-летнюю девушку и сожгли ее вместе с раненым военнопленным¹.

Злодеяния гитлеровцев во временно оккупированных украинских городах и селах вызывали жгучую ненависть к врагу. Личный состав укрепрайона рвался в бой, чтобы отомстить фашистам за их бесчеловечные преступления, очистить советскую землю от захватчиков. Легко понять, с каким воодушевлением встретили наши воины приказ о наступлении на Богуслав.

Обстановка благоприятствовала его освобождению. Непосредственно вблизи города, к югу от него проходили боевые рубежи 20-го батальона, несколько правее — 361-го. С севера к Богуславу приближался 496-й артпульбат, действовавший некоторое время вместе с 54-м укрепленным районом и теперь вновь вошедший в состав 159-го.

Главный удар наносил 20-й батальон. Его задача состояла в том, чтобы внезапным штурмом овладеть южной частью города, затем форсировать реку Рось и завершить полное освобождение Богуслава. Поддерживать наступление было приказано 361-му и 496-му батальонам. О содействии освобождению города догово-

¹ См. акт об этом злодеянии, составленный представителями политорганов 159-го полевого укрепленного района совместно с местными жителями. — Архив МО СССР, ф. 159 Ур, оп. 173327, д. 5, л. 51.

С. К. ЩЕРБАКОВ

рились и с командованием приближавшегося со стороны Днепра 54-го укрепрайона.

Готовясь к наступлению, командиры батальонов действовали увереннее, чем когда-либо раньше: у нас был драгоценный опыт боев под Сталинградом. Все, чему мы там научились, как нельзя лучше пригодилось и здесь. Выделенные для атаки роты были временно преобразованы в стрелковые. Каждый взвод представлял собой, в сущности, штурмовую группу, только несколько большей численности. Впрочем, общее количество атакующих и на этот раз было невелико, ибо поставленная им боевая задача предусматривала освобождение города «не числом, а умением».

Этому учил опыт многих победоносных сражений, проведенных за последний год Советской Армией. Ведь и здесь, на Правобережной Украине советские войска наносили по врагу мощные удары, превосходя его к началу 1944 г. лишь по численности войск (1,3 : 1), боевых самолетов (1,7 : 1), орудий и минометов (1,7 : 1)¹, но несколько уступая ему в количестве танков и самоходных артиллерийских установок. Причем существовали еще и естественные преграды наступательным действиям наших соединений — крупные реки. В целом, таким образом, Советская Армия громила врага не только вследствие изменившегося в ее пользу

¹ См.: «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 4. М., 1962, стр. 57—58.

соотношения сил и средств, но и благодаря своему взрослому военному искусству.

Решительность и внезапность наступательных операций, выбор наилучшего направления главного удара, умелый маневр силами и средствами — все это, осуществлявшееся Советской Армией в грандиозных масштабах, находило отражение в действиях всех ее соединений, частей и подразделений на отдельных участках.

Так стремились действовать и командиры батальонов укрепрайона. Особенно ярким примером тому был командир 20-го батальона майор С. К. Щербаков. Ветеран гражданской войны, он умело сочетал ее опыт с современными методами ведения боя. Это было особенно важно теперь, когда окончательно определилось, что задача полевых укрепрайонов — активно участвовать в окончательном очищении от врага захваченной им территории, а следовательно и в наступательных действиях по освобождению городов и сел.

Да, лихая атака времен гражданской войны ожила вновь во всеоружии новейшей военной техники. И подлинным мастером ее организации и ведения был у нас Степан Константинович Щербаков.

Ровно в 12 часов 1 февраля, после внезапного артиллерийского и минометного налета на позиции противника, майор Щербаков повел в атаку роты первого эшелона. Они стремительно ворвались в южную часть города и завязали уличные бои с отчаянно сопротивлявшимся вражеским гарнизоном.

Советские воины сражались самоотверженно, героически. В самом начале штурма раненого командира 2-й роты заменил парторг батальона Ахачиров. Почти тотчас же и он был ранен, но продолжал руководить боем до полного овладения южной частью города.

Тем временем к берегу Роси прорвалась группа комсомольцев во главе с комсоргом роты лейтенантом И. А. Оглизовым. Под ураганным пулеметным и минометным огнем противника она первой форсировала реку. Овладев несколькими улицами на правом берегу, воины-комсомольцы свыше суток вели неравный бой с превосходящими силами врага и все же удержали этот важный плацдарм до подхода наших частей. Отважно действовали и комсомольцы из взвода Ляпушкина. Их командир был дважды ранен, но не ушел с поля боя.

Блестяще решил трудную задачу коммунист И. С. Овчинников. Над 3-й ротой, которой он командовал, в ходе боя нависла угроза окружения. Еще была возможность отступить, но тогда осталась бы невыполненной поставленная роте задача. Да и отход под сильным огнем противника нанес бы ей значительный урон. Овчинников принял единственно правильное решение: он повел взводы в рукопашный бой с врагом, преграждавшим им путь,

Уничтожив в ожесточенной схватке свыше ста фашистов, рота вышла из полукругления и выполнила свою задачу¹.

Почти двое суток непрерывно вел 20-й батальон уличные бои. 361-й и 496-й выделили ему в помощь по одной роте, а остальными силами овладели населенными пунктами Чайки, Мисайловка, а также освободили уже упоминавшуюся Топтиевку.

3 февраля Богуслав был окончательно очищен от врага. Тогда же 404-й пулеметно-артиллерийский батальон 54-го укрепленного района занял железнодорожную станцию Богуслав. Противник начал поспешный отход, прикрываясь арьергардами из пулеметчиков и автоматчиков, усиленными полевой артиллерией².

В те же дни мы овладели еще двумя опорными пунктами врага — деревнями Ольховец и Москаленки. В целом в результате этого натиска, а также наступления 54-го укрепленного района, действовавшего совместно с 206-й стрелковой дивизией, наша сторона кольца окружения к 5 февраля значительно сузилась.

Теперь она начиналась чуть севернее Николаевки, на левом берегу Роси. Дальше к югу, где река отступала в глубь территории, занятой окруженными фашистами, рубеж 159-го укрепленного района проходил, как уже отмечалось, по линии Сидоровка, Шендеровка, Туркенцы.

Командование захваченной в «мешок» вражеской группировки все еще надеялось на выручку извне. Чтобы выиграть время и продержаться до прибытия обещанной Гитлером помощи, фашисты сильно укрепили все занятые ими населенные пункты, высоты, лесные массивы, превратив их в сплошную оборонительную полосу.

Теперь же, когда с каждым днем усиливались бои на внешнем фронте окружения, где уже в конце января четыре танковые дивизии немцев³ стремились прорвать оборону советских войск и соединиться где-то в районе Лисянки с курсунь-шевченковской группировкой, последняя все ожесточеннее пыталась атаковать наш внутренний фронт. Выгодная для противника конфигурация местности и наличие путей для движения крупных сил показывали, что он может воспользоваться для прорыва только направлением Стеблев — Шендеровка — Джурженцы — Лисянка. И, действительно, именно район Шендеровки стал ареной кровопролитных боев, которые, как и битва на внешнем фронте, имели решающее значение для исхода Курсунь-Шевченковской операции и последующих наступательных действий 1-го и 2-го Украинских фронтов.

Учитывая важность этого направления, командование 27-й армии заблаговременно создало в Шендеровке узел обороны. Он

¹ Архив МО СССР, ф. 159 Ур, оп. 512947, д. 3, лл. 17—30.

² Архив МО СССР, оп. 144467, д. 4, лл. 17—22; оп. 48138, д. 3, лл. 10—25; оп. 512947, д. 3, лл. 17, 51.

³ См.: А. Н. Грылев. За Днепром, стр. 54.

занимал полосу в четыре километра по фронту и имел довольно значительную глубину, в то время как на остальных участках занятого нами рубежа боевой порядок укрепрайона строился в один эшелон. Шендеровский узел был лучше оснащен и огневыми средствами, особенно противотанковыми. Ему были выделены также резервы для контратак, отсутствовавшие на остальной части рубежа. Комендантом шендеровского узла был присланный из штаба армии майор Лосев.

В ночь на 1 февраля 500-й артпульбат, усиленный армейским огнем батальоном, совершив по распутице 110-километровый марш, с ходу занял огневые позиции в Шендеровке. Командир батальона коммунист майор И. П. Сеницин, один из лучших боевых офицеров укрепрайона, тут же поставил боевые задачи всем подразделениям.

Обстановка не позволяла медлить. Уже на рассвете 2 февраля батальон выдержал ожесточенную двухчасовую атаку противника, переходившую в рукопашные схватки. А в течение дня еще несколько атак.

Особо опасной была последняя в тот день, продолжавшаяся почти шесть часов. Немцы настолько глубоко вклинились в систему обороны узла, что совершенно отрезали и окружили третью артиллерийскую батарею. Командир ее был тяжело ранен. Командование принял парторг дивизиона Бялик. Обращаясь к бойцам, он сказал:

— Товарищи! Будем драться до последней капли крови, но выполним боевую задачу — не пропустим врага.

Бойцы огневых расчетов, все как один, повторили эту клятву. Они стойко отражали бешеный натиск фашистов, били по наседавшему противнику из орудий, а когда кончились снаряды, перешли на ружейный огонь и ручные гранаты.

Окруженными оказались также четыре коммуниста — лейтенант Бызов, парторг роты Ковалев, сержант Цыганков, рядовой Павлов и комсомолец Аристархов. Отбиваясь в течение четырех часов, они уничтожили свыше 60 фашистов.

Пришлось ввести в бой резерв укрепленного района. Это позволило восстановить положение. Враг был отброшен за передний край, оставив на поле боя более 600 трупов своих солдат и офицеров, несколько сожженных танков и бронемашин.

С 3 по 8 февраля противник ежедневно предпринимал двести атаки пехоты и танков, сопровождавшиеся сильным артиллерийским огнем. Но каждый раз откатывался назад, теряя убитыми по 50—100 солдат и офицеров. Более того, батальон, несколько улучшив контратаками свои позиции, получил возможность контролировать передний край врага и вести разведку в глубине и в тылу его расположения.

Активность окруженных гитлеровцев была неудивительна. Она возросла в связи с предпринятой 4 февраля попыткой против-

ника тремя танковыми дивизиями в районе Ризино—Лысянка и тремя танковыми дивизиями в районе Толмач—Искренное прорвать внешний фронт окружения и деблокировать находившуюся в «мешке» группировку»¹. Последняя же принялась еще более настойчиво искать слабые места на участке шендеровского узла, стремясь все к той же цели — соединению с пробивавшимися извне гитлеровскими войсками.

А кольцо окружения сжималось с каждым днем. Находившимся в нем дивизиям противника уже давно не хватало горячего и продовольствия. Попытки гитлеровского командования обеспечить снабжение по воздуху провалились благодаря действиям нашей авиации и зенитной артиллерии. Положение врага быстро ухудшалось, и особенно вследствие того, что советская артиллерия простреливала теперь уже почти всю занятую им территорию.

Вечером 7 февраля в селе Хировке, на участке первой роты 500-го батальона, мы встречали представителей командования 1-го и 2-го Украинских фронтов. Им было поручено вести переговоры о капитуляции окруженной группировки. Советское командование во избежание кровопролития предлагало противнику сложить оружие, гарантируя при этом жизнь и безопасность всем сдавшимся солдатам и офицерам.

Сразу же заговорили наши окопные звуковещательные установки. На немецком языке были зачитаны сводки о положении на фронтах, а также сообщение о том, что на следующее утро, в 11 часов, наши парламентарии пройдут с белым флагом по шоссе от Хировки на Стеблево, в расположение обороны немецких войск, для вручения их старшему начальнику предложения о капитуляции.

Утром несколько раз повторили эту передачу. А ровно в 11 часов на улице прифронтного села Хировки появились два советских парламентария — подполковник Савельев и лейтенант Смирнов в сопровождении трубача и солдата с белым флагом.

Вместе с членом Военного совета 27-й армии полковником Р. Е. Булдовичем, Николаем Николаевичем Калининным провожаем их до «ничейной» зоны. Дальше нам нельзя — мы не парламентарии.

Группа с белым флагом уходит вперед, в расположение противника. Зорко наблюдаем за ней в бинокли. Тревожит неизвестность: что ждет наших товарищей в логове фашистов, давно поправших все человеческие законы и традиции.

Вот навстречу парламентариям выходят несколько солдат и офицеров противника. Надевают всем нашим повязки на глаза. Уводят...

¹ См.: «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 4, стр. 66.

Молча, тревожно ждем. Каждая минута кажется бесконечной. Конечно, повязки — неплохая примета. Да и положение у окруженных не такое, чтобы открыто пойти на новое гнусное преступление, за которым, как они, несомненно, понимают, последует немедленное суровое возмездие. И все же...

Но, по-видимому, гитлеровцы, действительно, не решились справиться с нашими парламентарями. Со вздохом облегчения видим показавшуюся впереди группу с белым флагом. На глазах у парламентарей те же повязки. Теперь гитлеровцы снимают их. Парламентареры идут к «ничейной» зоне. Наконец-то! Крепко жмем руки, поздравляем с благополучным возвращением.

И тут же узнаем, что условия капитуляции не приняты.

Вскоре опять заговорили фашистские пушки и пулеметы. Возобновились ожесточенные попытки врага прорвать кольцо окружения.

Неудача на направлении Шендеровки толкнула немецкое командование на попытку прощупать другие участки нашего рубежа. В конце дня 8 февраля пехота с танками внезапно атаковала первую роту 496-го пулеметно-артиллерийского батальона на южной окраине села Петрушки, но безуспешно.

Не удалось совершить и прорыв из Стеблева через участок первой роты 491-го батальона в Хировке. Здесь противник, наступавший 9 февраля такими же силами, как и накануне, сначала сумел вклиниться в наше расположение, но, введя в бой резервы укрепрайона, мы в ходе рукопашной схватки, длившейся более трех часов, восстановили положение.

В тот день враг несколько раз атаковал и другие участки рубежа, однако нигде не достиг успеха.

Тогда он вновь нацелил свои удары на район, занятый 500-м артульбатом. В ночь на 10 февраля предпринимались неоднократные попытки прорваться через расположение первой роты этого батальона. Противник вел атаку на узком фронте «волнами» до батальона каждая в интервалами в 10—15 минут. Но и эта попытка не была для нас неожиданной, ее подготовка была заблаговременно раскрыта разведкой укрепрайона. Атакующих встречал артиллерийский и минометный огонь, расстраивавший боевые порядки атакующих. Через зону заградительного огня удавалось прорываться отдельным группам пьяных немецких солдат, но здесь их в упор расстреливали пулеметчики.

Да, 500-му батальону выпала самая трудная задача. Исключительно напряженные схватки с врагом не прекращались с первого дня его пребывания на этом рубеже. Об их ожесточенности можно судить хотя бы по таким данным: с 1 до 10 февраля в боях с врагом батальон израсходовал четыре полных комплекта боеприпасов.

И все же самое тяжелое для него было еще впереди.

Немецко-фашистское командование сосредоточило против

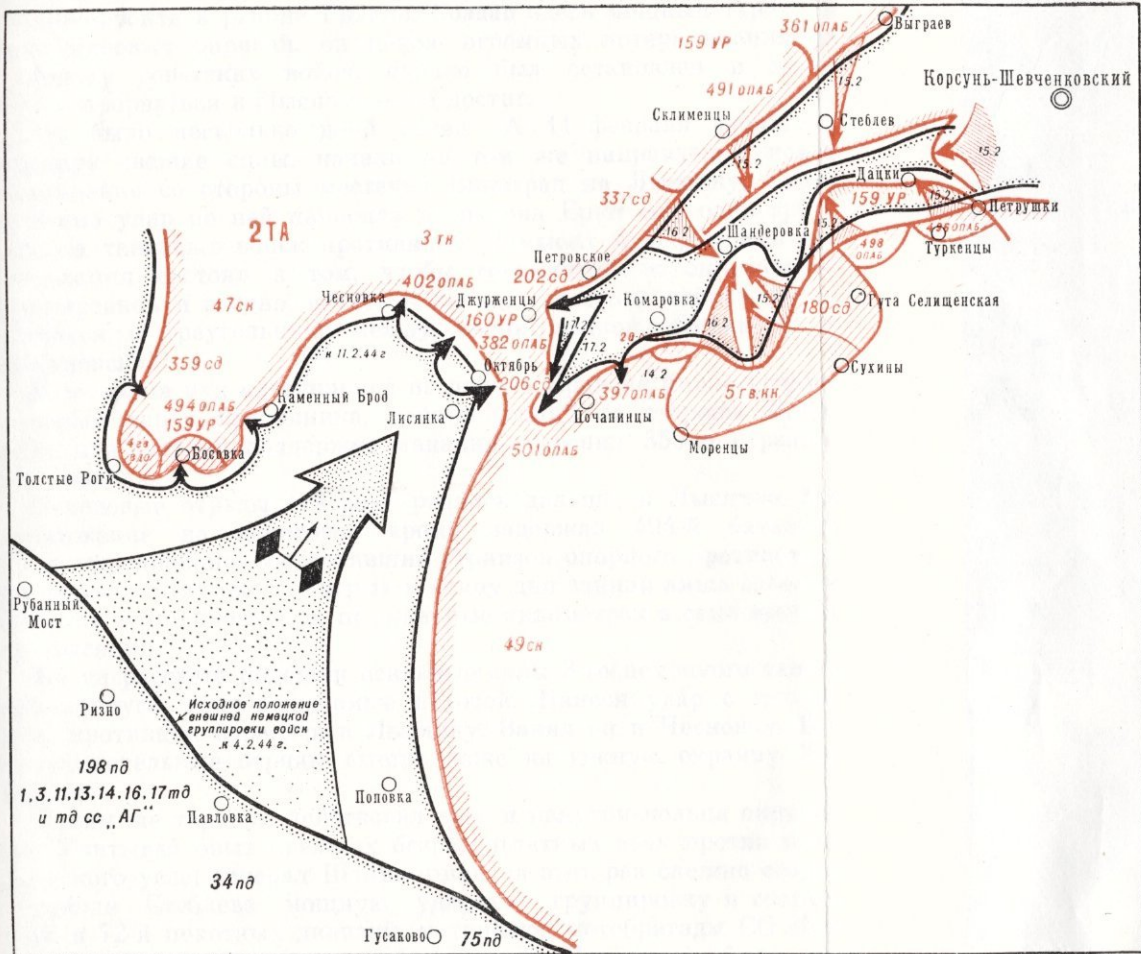

Схема № 1. Боевые действия 159-го полевого укрепленного района в Корсунь-Шевченковской операции 1-го и 2-го Украинских фронтов.

наших войск на внешнем фронте окружения теперь уже не 6, а 14 дивизий, из них 8 танковых¹. Не сумев пробиться в полосу 2-го Украинского фронта, враг усилил удары против 1-го Украинского фронта в районе Ризино. Создав здесь мощный таран из трех танковых дивизий, он ценою огромных потерь вклинился в оборону советских войск, однако был остановлен и своей цели — прорваться к Лысянке — не достиг.

Это было несколько дней назад. А 11 февраля фашисты, подтянув свежие силы, начали на том же направлении новое наступление со стороны местечка Виноград на Лысянку. Одновременно удар по ней наносила из района Ерки еще одна группировка танковых войск противника. Замысел гитлеровского командования состоял в том, чтобы соединиться с окруженной группировкой и заодно зажать в кольце советские войска, находившиеся в треугольнике между Звенигородкой, Лысянкой и Рыжановской.

В то время как наступление из района Ерки не имело успеха, танковый таран противника, действовавший со стороны Винограда, при сильной поддержке авиации потеснил 359-ю стрелковую дивизию.

Передовые отряды «тигров» рвались дальше, к Лысянке. Их продвижение на некоторое время задержал 494-й батальон 159-го укрепрайона, составивший гарнизон опорного противотанкового узла в Босовке. «Тигры» к концу дня заняли лишь селения Бужанку и Франковку, расположенные километрах в семи восточнее Лысянки.

Но на рассвете подошли основные силы 3-го немецкого танкового корпуса, сопровождаемые пехотой. Нанеся удар с юго-запада, противник ворвался в Лысянку. Занял он и Чесновку. Его разведывательные отряды вышли даже на южную окраину Хижинцев.

Таким же тараном действовал враг и изнутри кольца окружения. Учитывая опыт прежних безрезультатных атак против шендеровского узла, генерал Штеммерман на этот раз спешно создал в районе Стеблева мощную ударную группировку в составе 112-й и 72-й пехотных дивизий, мотополка, мотобригады СС «Валлония», усиленных танковым батальоном. Перед ней была поставлена задача быстрее выйти к Лысянке и соединиться с наступавшим извне кольца окружения 3-м немецким танковым корпусом.

В ночь на 12 февраля, почти одновременно с упомянутым выше прорывом на Лысянку, был атакован шендеровский узел. Ударная группировка окруженных войск одновременно нанесла два удара — по правому флангу 500-го артпульбата в хуторе Завадском и левому — на стыке с соседним 491-м батальоном.

¹ См.: «История Великой Отечественной войны. 1941—1945», т. 4, стр. 66.

Стало ясно, что противник, охватывая узел с флагов, стремится выйти в тыл 500-го батальона.

На удары атакующих гарнизон узла ответил дружным огнем из всех видов оружия. При поддержке соседей и артиллерии укрепленного района батальон в течение нескольких часов прочно удерживал позиции. Враг был временно остановлен, но для этого майору Синицину пришлось использовать весь свой резерв.

И тогда начало сказываться громадное превосходство сил неприятеля, который бешено рвался вперед, не считаясь с потерями. Вновь встретив сопротивление, враг еще более усилил удары.

Это была страшная ночь. Фашисты жгли все окрестные дома, превратив их в гигантские костры. Осветив себе путь пламенем пожарниц, все новые и новые пехотные и танковые подразделения остервенело бросались в бой.

Сосредоточив большую часть сил против правого фланга батальона, гитлеровцы все же лишь к 6 часам утра смогли потеснить здесь 3-ю роту, выйти на южную окраину Шендеровки и занять в ее тылу высоту 201,4. Что касается левого фланга узла, то здесь они успеха не имели. Лишь нанеся удар севернее, на Скрипченцы, и вклинившись в боевые порядки соседнего 491-го батальона, противник занял восточную окраину этого села и создал таким образом угрозу полного окружения Шендеровки.

К 8 часам 12 февраля несколько фашистских танков подошли к командному пункту 500-го батальона.

Майор Синицин бросил в бой все наличные силы, включая и тыловые подразделения. Штабное помещение было превращено в опорный пункт. Ряды оборонявших его воинов редели, но ни один не дрогнул перед натиском врага.

Немецкий танк с группой автоматчиков шел прямо на 45-мм орудие, у которого остался один наводчик. Это был 52-летний сержант Якушкин. Не раз доводилось ему бить немецких оккупантов — и в первую мировую войну, и в гражданскую, и теперь. Не растерялся он и оставшись один на один с вражеским танком. Выждал удобный момент и выстрелом почти в упор подбил его, а затем вторым и третьим снарядами рассеял автоматчиков. Невдалеке вдруг застрочил пулемет. Якушкин залег у орудия. Выглянул: у пулемета вражеский офицер и трое солдат. Офицер бросил гранату, но у орудия есть щит. Якушкин быстрым движением заряжает свою пушку. Меткий выстрел, и вот уже не видно фашистов, не слышно их пулемета¹.

В контратаку на гитлеровцев идет группа бойцов. Ее ведет немецкий антифашист капитан Ватер. Два дня назад он прибыл в укрепленный район со звуковой установкой Политуправления 1-го Украинского фронта и обратился по радио к окруженным

¹ Архив МО СССР, ф. 159 Ур, оп. 144467, д. 4, лл. 28, 32.

с речью о неизбежности поражения гитлеризма. Закопчив свое выступление, капитан Ватер заявил мне:

— Не хочу уходить с поля боя, остаюсь в батальоне в Шендеровке и вместе с вами хочу драться с фашистами.

Он остался и храбро участвовал в отражении атак врага. Во время одной из них Ватер был ранен, но после перевязки вновь пошел в бой.

И вот теперь во главе группы бойцов он контратакует фашистов в районе командного пункта батальона. Гитлеровцы отброшены. Но и Ватер смертельно ранен.

Спасти его не удалось. Он пал смертью героя в жестокой битве с фашистами¹.

500-й батальон упорно продолжал бой, хотя и потерял уже более чем две трети своего состава. Он стойко оборонялся и после того как во второй половине дня полк пехоты с танками, атаковав соседний 491-й батальон, ценою больших потерь прорвался в Хильки и таким образом завершил окружение шендеровского узла.

Подразделения батальона майора Синицина, сосредоточившись в прочном редуте восточной части Шендеровки, пять раз переходили в контратаки. Отбрасывая наседавшего противника, они захватили даже несколько улиц и высоту 201,4.

Но людей в строю оставалось все меньше. Не хватало снарядов и патронов: попытки прорваться из Шендеровки на автомашинах с боеприпасами потерпели неудачу, а доставка по воздуху оказалась невозможной из-за нелетной погоды.

Судьба блокированного гарнизона узла глубоко тревожила командование не только укрепрайона, но и 27-й армии.

Сначала мы поддерживали оборонявшихся огнем артиллерии всех соседних участков. 13 февраля в мое распоряжение прибыл 1129-й полк 337-й стрелковой дивизии. Но его неоднократные попытки выбить противника из восточной окраины села Скрипченцы и войти в соприкосновение с 500-м батальоном не имели успеха, несмотря на поддержку блокированного гарнизона и резерва укрепрайона.

Тогда возник план силами 337-й дивизии и наших батальонов нанести удар в районе шоссе Стеблев—Шендеровка и таким образом разрезать надвое наступавшую с этой стороны группировку противника. Но все произошло по-иному. Дивизия несколько запоздала из-за бездорожья, а тем временем обстановка изменилась, и отнюдь не в пользу немецко-фашистских войск.

Дело в том, что вопреки ожиданиям противника окружение Шендеровки не пробило брешь в полосе укрепленного района в целом. Упорная самоотверженная оборона узла задержала

¹ Там же, л. 28.

паступавшую изнутри «котла» ударную группировку, что позволило командованию 27-й армии своевременно перебросить к тылам Шендеровки части 180-й, 206-й стрелковых дивизий и 54-го укрепрайона.

Враг не только был остановлен здесь, но и попал опять в безвыходное положение. Конфигурация участка, куда он ворвался, представляла собой теперь ярко выраженную форму мешка, сжатого с боков и снизу плотным кольцом частей 27-й армии, а также нескольких соединений 2-го Украинского фронта. Весь захваченный противником район простреливался нашей артиллерией, в том числе и орудиями средних калибров, что обрекало вымотанную ударную группировку фашистов на поголовное истребление.

В сложившихся условиях командир батальона майор Синицин принял решение оставшимися в строю силами гарнизона прорываться между Хильки и Скрипченцы на соединение с частями укрепленного района. По радио, которое все эти дни служило нам единственным средством связи с Синициным, он сообщил о своем решении. Оно было утверждено. Одновременно был разработан план прорыва при поддержке извне со стороны соседних артиллерийских подразделений.

В ночь на 14 февраля, надежно укрыв около 60 раненых бойцов в домах местных жителей, 111 солдат и офицеров Шендеровского гарнизона с боем прорвали окружение. В 4 часа утра они вышли к высоте 226,8, соединившись с войсками укрепленного района.

Этому успеху благоприятствовало не только содействие соседних батальонов. Смелчаки выбрали для прорыва вражеского кольца как раз тот момент, когда фашисты, усиливая нажим на другом направлении, заметно ослабили атаки против блокированного ими 500-го батальона.

Несмотря на явно невыгодное положение своей ударной группировки, пробившейся в Шендеровку, Штеммерман бросал сюда, в «мешок» все новые подкрепления со стороны Стеблева. Рассчитывая найти слабое место в нашем кольце окружения, он продолжал отчаянные попытки пробиться к Лысянке и соединиться с действовавшими там танковыми дивизиями. Видимо, командование корпус-шевченковской группировки уже не надеялось на то, что танковый таран извне достигнет цели, и решило самостоятельно вырваться из окружения любой ценой.

Попытки выйти из «котла» становились все более яростными по мере того, как неотвратимо сужалось кольцо наших войск вокруг окруженной группировки противника.

Войска 2-го Украинского фронта, наступавшие с востока, 13 февраля вышли на южный берег Роси и штурмом заняли окраину Корсунь-Шевченковского. В ночь на 14 февраля находившиеся в городе фашистские войска начали поспешно отходить к Яблоновке.

То была ночь огня и разрушений, убийств и грабежей, учи-

ненных гитлеровцами. Враг, обреченный на уничтожение или пленение, всю свою злобу вымещал на беззащитных мирных жителях, расстреливая женщин и стариков, сжигая их дома. Воздух потрясали взрывы, разрушившие до основания гидроэлектростанцию, вокзал, мельницу, больницы. . .

Злобствуя и уничтожая все на своем пути, гитлеровцы замесались по всей окруженной территории. В то время как их ударная группировка в районе Шендеровки безуспешно пыталась прорваться в районе села Хильки, находившиеся в Стеблеве и Яблоновке фашистские войска бросились искать другую лазейку.

Особенно упорно стремились они пробиться на участках, занятых войсками нашего укрепрайона вблизи населенных пунктов Выграев и Склименцы.

Утром 14 февраля части 88-й и 332-й немецких пехотных дивизий после сильного артиллерийского и минометного налета предприняли одну за другой шесть яростных атак на позиции 361-го пулеметно-артиллерийского батальона. Не считаясь с огромными потерями, шагая буквально по трупам своих солдат и офицеров, враг бешено рвался вперед.

Несколько раз ему удавалось вклиниться в наши боевые порядки и даже окружить первую и вторую роты. Однако батальон, его соседи и резерв укрепрайона артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем уничтожили большую часть гитлеровцев, а остальных обратили в бегство.

Столь же безуспешно дважды атаковали фашисты участок 491-го пулеметно-артиллерийского батальона. Наступавшие здесь части противника были почти целиком уничтожены.

На следующий день окруженная вражеская группировка, занимавшая Шендеровку и юго-восточную окраину села Скрипиченцы, все свои усилия вновь перенесла на направление Почапинцы, Джурдженцы. Ближайшие на пути к ним селения Хильки, Комаровка, Новая Буда переходили из рук в руки. Расстояние между рвущимися навстречу друг к другу двумя немецкими группировками уменьшилось до 10—12 километров.

Но больше им не удалось сделать ни шагу.

В центре этой полосы в селе Джурдженцы располагался вспомогательный пункт управления 27-й армии. Отсюда командарм генерал-лейтенант С. Г. Трофименко, не отрываясь от карты и средств связи, вот уже несколько дней и ночей руководил уничтожением окруженных войск противника. В этой операции важную роль сыграли перегруппированные в район Комаровки и Новой Буды гвардейские 29-й танковый и 5-й кавалерийский корпуса. Вместе с полевыми войсками в контратаку пошли и батальоны нашего укрепрайона.

Продвижение врага было окончательно остановлено на обоих направлениях.

С утра 16 февраля резко похолодало. Войска 2-го Украин-

ского фронта, освободившие Корсунь-Шевченковский и Яблоновку, вышли на окраину Стеблева.

Остатки окруженных дивизий оказались стиснутыми теперь на «пяточке» в несколько десятков километров между Децки и Шендеровкой, простреливаемом нашей артиллерией со всех сторон. Но они продолжали безуспешно атаковать, хотя уже не могло быть и тени сомнения в безнадежности их положения.

Последняя отчаянная попытка вырваться из кольца окружения была предпринята в ночь на 17 февраля. В районе Шендеровки выстроились две колонны немецких войск. В левой находились части эсэсовцев из мотобригады «Валония», а также 72-й и 112-й пехотных дивизий. В центре этой колонны на бронетранспортерах, охраняемых со всех сторон уцелевшими танками дивизии «Викинг», разместились штабы и все старшие офицеры окруженных частей. В правой колонне были собраны остатки 57, 82, 167-й дивизий, прочие мелкие части и подразделения. Непосредственно за ней располагались тылы и обозы.

Командование окруженной группировки, несомненно, понимало, что, отказываясь капитулировать, обрекает на гибель своих солдат и офицеров. Но оно и не стремилось спасти им жизнь. У гитлеровских генералов была иная цель: самим, хотя бы с частью сил, вырваться из окружения.

Этот замысел и продиктовал описанное выше построение колонн для атаки.

В том, что она будет последней, фашистские генералы также не сомневались. Об этом свидетельствует то, что они, как всегда в таких случаях, приказали «ликвидировать» госпитали. В результате, как мы узнали затем от пленных, легкораненые солдаты и офицеры были направлены в части, а тяжелораненые — безжалостно умерщвлены.

Разумеется, фашистские убийцы не забыли на прощанье расправиться с теми из мирных жителей, кто попался им на глаза. Они согнали из окрестных сел около тысячи стариков, женщин и детей, заперли их в церкви и школе, после чего подожгли эти здания, а заодно и соседние дома, мельницу, колхозные сараи.

При свете этого гигантского факела колонны гитлеровцев двинулись в свой последний путь на юго-запад от Шендеровки, где их ждала расплата за все преступления, совершенные ими на нашей земле.

... 4 часа утра. Чуть светает. На высоте 193,3, расположенной севернее села Моренцы, — рубеж 20-го пулеметно-артиллерийского батальона. Вот послышался глухой гул. С передовых постов сквозь снегопад и метель едва видна какая-то темная масса. Она движется, приближается. Слышится беспорядочная стрельба.

Над расположением батальона взлетает цепочка ракет, по проходам прозвучало: «Ураган! Ураган!» Это сигналы боевой тревоги.

В бинокль было видно, как подползает, извиваясь, громадное змеинное тело колонны. Вот она словно раздвоилась. Одна ее часть с тяжелым топотом понеслась на позиции 20-го батальона, другая повернула влево. Первая снова расчленилась, теперь уже на три, шириной метров в тридцать каждая. Впереди — танки: справа и слева по три, в центре пять. Это «тигры». За ними пехота, мотопехота, дальше автомашины, повозки и снова танки.

Наш передний край тотчас же опоясался огнем — артиллерийским, пулеметным, из автоматов и винтовок. В ответ сквозь бурю донесся звериный рев, а вслед за ним стрельба — тоже из всех видов оружия. Воющая толпа, подстегиваемая руганью офицеров, вываливается из снежной пелены, строча из автоматов и швыряя гранаты.

Первые шеренги атакующих, скошенные огнем почти в упор, уже лежат на снегу. По ним набегают новая волна. Но каждая пуля нашего стрелка, каждый снаряд неотвратно находят цель. Часть орудий прямой наводкой метко разит врага подкалиберными и бронебойными. И вот уже недвижно застывает один «тигр», другой, третий... Наша артиллерия бьет и с закрытых позиций, как бы навесив подвижной заградительный огонь вдоль колонн противника.

Залпы орудий и минометов, разрывы снарядов и мин, свист картечи и скороговорка пулеметов, автоматов... Казалось, такой огонь сметет ползущих вверх по скату высоты. Но они все еще пытаются лезть вперед. Их подгоняют эсэсовцы с пистолетами и автоматами в руках. Они получили приказ любой ценой проложить путь на соединение с внешней группировкой.

Еще танки. Пять, потом семь. Они уже у нашего переднего края. Обгоняя свою пехоту, мчатся к гребню высоты.

Пара «тигров» прорвалась на позицию третьей роты.

Лейтенант Овчинников, как всегда, командует спокойно и уверенно. Противотанковые орудия ударили танкам в «лоб». Один снаряд врезался в броню, другой, третий. А «тигр» все еще не «издох». Тогда над окопом мелькнула подвижная фигура комсомольца Лапушкина. Полетела связка противотанковых гранат. Взрыв, и танк ошалело заметался из стороны в сторону. Еще одна связка, и он замер.

Второй шел чуть правее, намереваясь смять орудия прямой наводки. Навстречу металлической громаде пополз комсомолец Огрызаев. Метнул две бутылки зажигательной смеси. Машину охватило пламя... «Тигр» горел, но тем временем подросла вражеская пехота.

Гитлеровцев было много, больше, чем наших бойцов. Каков будет исход завязавшейся ожесточенной рукопашной схватки? А вон там движется новый поток с танками, бронетранспортерами. Если его не остановить...

Майор Щербаков мгновенно принимает решение: перенести огонь артиллерии на приближающиеся фашистские части.

Танки противника, уходя от орудийного огня, нарываются на минное поле. Страшные взрывы потрясают воздух. К небу взвиваются столбы пламени и дыма. Вражеская пехота отпрянула, залегла в сотне метров от переднего края, а те, кто уже было ворвался в наши окопы, перебиты.

Совместными действиями войск 2-го Украинского фронта, в подчинение которого перешла и 27-я армия, врагу был нанесен сокрушительный удар. Гитлеровцы заметались по полю боя. Инерция первого натиска была потеряна, боевой порядок нарушен. Его еще сохраняли лишь собранные в голове левой колонны отборные части — опора командования окруженной группировки. Остальные же из организованного войска превратились в толпы обезумевших, гибнущих людей.

То была агония недавно еще мощной группировки, насчитывавшей больше десятка дивизий. Кое-где появились белые флаги. Но основная масса солдат, увлекаемая командирами, стремилась если не прорваться, то как-нибудь «незаметно» просочиться на юг. Она обтекала Комаровку, беспорядочно уходила от боя, маскировалась по зарослям и оврагам, где ее настигали специально сформированные наши отряды преследования.

От Стеблева и Шендеровки до населенных пунктов Комаровка, Хильки, Моренцы, Почапинцы, Джурдженцы заснеженные поля и дороги были загромождены разбитой и брошенной военной техникой врага, машинами всех заводов Германии и оккупированных ею стран, усеяны трупами «завоевателей». Здесь нашел бесславную смерть и их командующий генерал Штеммерман.

А уцелевшие начали сдаваться в плен. 18 200 солдат и офицеров сложили оружие у ног победителей — советских воинов. Это была почти четвертая часть личного состава курсунь-шевченковской группировки. 55 тыс. гитлеровских солдат и офицеров были убиты в боях, которые они вели по приказу своих генералов¹.

Лишь к 19 февраля части нашего укрепленного района полностью очистили территорию в районе своих боевых участков от прятавшихся в укрытиях гитлеровских солдат и офицеров².

К этому же времени батальоны сосредоточились в Шендеровке. Здесь мы с почестями похоронили наших воинов, павших смертью храбрых в незабываемых кровопролитных боях.

Эта печальная церемония — неизбежный атрибут войны, и каждый раз она невольно рождала мысли о том прекрасном дне, когда мы завоюем победу, когда умолкнет грохот битв и народы будут жить в мире и дружбе. Увы, никто из нас не знал, что и

¹ Архив МО СССР, ф. 240, оп. 2779, д. 1136, л. 83.

² Там же, ф. 159 Ур, оп. 48138, д. 3, лл. 10—13.

четверть века спустя найдутся темные силы, на этот раз за океаном, которые войну сделают своим девизом, а массовое уничтожение людей — источником собственного обогащения.

Тогда этого не знали ни мы, живые, ни те, кто отдал свою жизнь за победу над силами зла, за спокойствие и счастье на земле.

Великий подвиг совершили они во имя изгнания захватчиков с родной земли, и теперь она, вновь свободная, благодарно принимала их в свое лоно. И пусть зима, пусть снег и метель, но нашлись и венки для свежей братской могилы. Множество их принесли уцелевшие от фашистских расправ местные жители.

Они стекались сюда, к месту похорон павших воинов Советской Армии, из всех окрестных селений. Пришла и большая группа измученных, изголодавшихся, полузамерзших женщин и детей. Гитлеровцы еще осенью схватили их для отправки в фашистскую неволю, да не успели, а потом так и держали взаперти до тех пор, пока не вызволили наши воины.

Так смешалась в прощаньи с павшими горечь утраты с радостью победы и освобождения и с твердой решимостью довести до конца дело разгрома врага...